

DOI 10.25991/VRHGA.2021.2.21.003

УДК 130.31 (091)

*П. Е. Бойко, И. В. Зотова**

НАУКА ФИЛОСОФИИ КАК ВСЕОБЩАЯ ДИАЛЕКТИКА БЫТИЯ И МЫШЛЕНИЯ В УЧЕНИИ Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ**

В статье рассматриваются общие принципы учения о понятии философии в творчестве Г. В. Ф. Гегеля. Опираясь на методологию спекулятивной диалектики мышления и бытия, авторы приходят к выводу о необходимости понимания гегелевского абсолютного идеализма как Науки философии, т. е. как результата разумного снятия всех исторических формообразований философской мысли — в логико-систематическую, всеобщую.

Ключевые слова: всеобщая диалектика, диалектика всеобщего, особенного и единичного, спекулятивное понятие философии, система абсолютного идеализма Г. В. Ф. Гегеля.

P. E. Boyko, I. V. Zotova

THE SCIENCE OF PHILOSOPHY AS A GENERAL DIALECTIC OF BEING AND THINKING IN THE TEACHINGS OF G. W. F. HEGEL

The article discusses the general principles of the doctrine of the concept of philosophy in the works of G. W. F. Hegel. Based on the methodology of speculative dialectics of thinking and being, the authors come to the conclusion that it is necessary to understand Hegel's absolute idealism as a Science of philosophy, i. e. as a result of the rational removal of all historical forms of philosophical thought — into a logical-systematic, universal.

Keywords: universal dialectics, dialectic of the universal, special and single, speculative concept of philosophy, system of absolute idealism G. W. F. Hegel.

* Бойко Павел Евгеньевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Кубанский государственный университет; rboyko@mail.ru

Зотова Ирина Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Кубанский государственный университет; ivzotova@hotmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00506 «Гегель: pro et contra. История и современность российских и зарубежных рефлексий и интерпретаций».

Главным результатом более чем двух с половиной тысячелетнего исторического развития философского знания (от Фалеса до Гегеля и далее в мир т. н. постклассической философской мысли XIX–XX вв., вплоть до наших дней) выступила тотальность, конкретная всеобщность понятия философии. Реализовавшаяся через мировой историко-философский процесс моменты всеобщего, особенного и единичного этого понятия, философия стала действительным всеобщим и необходимым познанием истины как таковой, стала Наукой философии, если перефразировать название знаменитого научного трактата Г. В. Ф. Гегеля «Наука логики». Последовательно сняв все особенные исторические формы и ступени философской мысли в конкретности абсолютной науки как системы разумного познания всеобщего, философия познала саму себя, выступила всеобщей логикой или диалектикой мышления и бытия, всеобщим процессом и результатом познанием Абсолюта в его логических, природных и духовных определениях. Историческая стадия развития философии с необходимостью стала логико-систематической, раскрыв тем самым истину и цель развития своего собственного понятия. Эта форма или система всеобщей науки есть спекулятивная, или логическая, «положительно-разумная», форма абсолютного знания, получившая свое осуществление в исторической форме гегелевской философии как философии абсолютного идеализма.

Но почему именно гегелевская философия абсолютного идеализма должна быть признана итогом становления понятия философской науки, завершением всех ее прежних исторических форм и, одновременно, началом ее актуально бесконечной, всеобщей логической стадии? Ведь наряду с ней в любом учебнике по истории философии мы без труда найдем имена Платона и Аристотеля, Рене Декарта и Фрэнсиса Бэкона, Иммануила Канта и Фридриха Ницше, Эдмунда Гуссерля и Мартина Хайдеггера, Бертрانا Рассела и Карла Поппера и т. д. Сознанию, в опыте которого возникает данный вопрос, недостаточно быть только философским сознанием. Ему еще необходимо пройти школу истории философии и усвоить всю логическую всеобщность ее абсолютного содержания.

Как справедливо замечает по этому поводу автор предисловия к переизданию гегелевской «Науки логики» (СПб., 1997) Е. С. Линьков, философия как наука наук завершена потому, что

достигла завершения историческая форма развития предмета философии, который выступил теперь в своей необходимости. Предметом философии стала всеобщая диалектика бытия и мышления.

Переворот в понимании предмета философии вызван... открытием всеобщей диалектики, познание которой только и есть философия, если даже эта диалектика скрыта в исторической форме развития. Всеобщая диалектика... есть завершение исторической формы развития предмета философии и, следовательно, выступает в своей развитой необходимости только на высшей ступени. Хотя диалектика Гегеля содержит в себе все историческое развитие философии, понять это историческое содержание, снятое и подчиненное высшей исторической ступени развития предмета, невозможно без рассмотрения самого исторического процесса развития философии. А без усвоения исторического содержания, присущего результату, невозможно и понимание этого результата. Результат есть процесс опосредствования, различия и снятия его в непосредственности. Но непосред-

ственность — это лишь один момент результата. Непосредственность результата есть лишь начало [6, с. 6].

Из сказанного петербургским исследователем гегелевской философии видно, что речь идет о «логической философии» (Е. С. Линьков) как необходимым разумном результате развития исторических форм философии, о тотальности понятию самой философии, т. е. «Науки философии» (системе абсолютного идеализма, энциклопедии философских наук и т. д. в терминологии Гегеля). Это абсолютное знание по форме и по содержанию, т. е. положительно-разумное единство предмета, метода и системы философии как всеобщей диалектики логического, природного и духовного бытия, и есть определение понятия Науки философии. Последнее и выступило высшим результатом не только мирового историко-философского процесса, но и целью развития всего сущего. «Гегель может быть назван философом по преимуществу, ибо изо всех философов только для него одного философия была всё. У других мыслителей она есть старание постигнуть смысл сущего; у Гегеля, напротив, само сущее старается стать философией, превратиться в чистое мышление», — так оценивает основной смысл философского творчества немецкого мыслителя «первый русский философ-систематик» В. С. Соловьёв [10].

Приступая к изложению гегелевского учения о понятии философии, мы начинаем с предварительных разъяснений философа о научной форме философского знания. Эти разъяснения он дает во введениях и предисловиях к своим небезызвестным трудам. И хотя в них представлено определение философии, все же делается оговорка, касающаяся того, что действительным обоснованием понятия философии может быть лишь ее изложение. Предварительные рассуждения Гегеля о сущности философии, с одной стороны, являются указаниями на то, какой философия должна быть, а с другой — какой она еще должна стать для читателя. Так, Гегель устанавливает, что истинной формой, в которой существует философия, может быть лишь ее научная система. Но тут же он дополняет это определение:

Показать, что настало время для возведения философии в ранг науки, было бы поэтому единственно истинным оправданием попыток, преследующих эту цель, потому что оно доказывало бы необходимость цели, больше того, оно вместе с тем и осуществляло бы ее» [3, с. 3].

Иными словами, та форма, в которой философия *должна* обрести свое истинное понятие, одновременно должна оказаться и ее действительностью, ее разработанностью. Эту мысль Гегель раскрывает следующим образом:

Ибо суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением; цель сама по себе есть безжизненное всеобщее, подобно тому, как тенденция есть простое влечение, которое не претворилось еще в действительность; а голый результат есть труп, оставивший позади себя тенденцию [3, с. 2].

«Моим намерением, — поясняет Гегель, — было — способствовать приближению философии к форме науки — к той цели, достигнув которой она

могла бы отказаться от своего имени *любви к знанию* и быть действительным знанием» [3, с. 3].

Следовательно, гегелевское определение философии не просто указывает, чем должна быть философия, но и выражает претензию на то, что сама философия Гегеля оказывается понятием философии. Иначе, для Гегеля должествование, остающееся должествованием, является абстракцией, пустым утверждением. Указание на цель философии должно заключать в себе саму возможность ее осуществления, т. е. доказательства. Значит, и исследование гегелевского понятия философии должно быть сопряжено с пониманием этого требования и в результате — с исследованием понятия самой философии Гегеля. Понимание философии Гегеля оказывается пониманием того, как в ней реализуется ее предметность, т. е. гегелевское понятие философии, или же ее научная система. Это и было бы адекватной замыслу самого Гегеля реконструкцией его понятия философии.

В связи с этим становится ясно, что простые констатации того, как Гегель понимает философию, или того, какой она, по его мнению, должна быть, связанные с внешним пересказом его идей, могут быть рассчитаны лишь на непритязательного в деле освоения историко-философского материала, и в частности материала самой философии Гегеля, читателя. Данная форма изложения содержания является достаточно распространенной. И хотя достоинство такой формы заключается в том, что она оказывается формой самого первого и непосредственного знакомства с той или иной точкой зрения и потому связана с изучением ее разнообразных аспектов путем перечисления присущих ей характеристик, все же она недостаточна для понимания сути представляемого в ней предмета. Сам Гегель говорил об этом:

Образование и высвобождение из непосредственности субстанциальной жизни всегда и необходимо начинается с приобретения знания общих принципов и точек зрения, чтобы сперва только дойти до мысли о существовании дела вообще, а равным образом для того, чтобы подкрепить его доводами или опровергнуть, постигнуть конкретную и богатую полноту по определенностям и уметь принять относительно его надлежащее решение и составить серьезное суждение [3, с. 3].

Следовательно, Гегель определяет замысел системы философии таким образом, что читатель сам оказывается перед необходимостью решить поставленную мыслителем задачу. По его словам, первоначальное знакомство с научной точкой зрения должно дать лишь внешний толчок к приобретению «той серьезности наполненной содержанием жизни, которая вводит в опыт самой сути дела; и если еще к этому в ее глубину проникнет серьезность понятия, то такое знание и обсуждение удержат за собой подобающее им место в обмене мнений» [3, с. 3]. Поэтому описание «опыта самой сути дела» окажется поверхностным, если не будет сопряжено с его переживанием. Но что значит пережить этот опыт? Значит ли это, что мы должны повторить опыт мыслей Гегеля? Не будет ли это продолжением обычного изложения содержания философской концепции, которого недостаточно для понимания ее предмета? И что значит ответить на эти вопросы? Для начала необходимо прояснить специфику

переживания данного опыта и, исходя из этого, условия понимания философии Гегеля. Вместе с тем это должно дополнить появляющиеся в последнее время в отечественной и зарубежной исследовательской литературе ответы на вопрос о том, почему в огромном массиве исследований, посвященных гегелевской философии, представлена не соответствующая замыслу Гегеля трактовка его понятия философии.

В текстах Гегеля мы находим ряд рассуждений, касающихся проблемы понимания историко-философской точки зрения вообще:

Ибо по отношению к мыслям и, в особенности к спекулятивным мыслям, понимать означает нечто совершенно другое, чем лишь улавливать грамматический смысл слов; здесь понимать не может означать — воспринимать их в себя и все же давать им проникнуть лишь до области представления. Можно поэтому быть знакомым с утверждениями, положениями или, если угодно, мнениями философов, можно потратить много труда, чтобы ознакомиться с основаниями этих мнений и дальнейшей разработкой их, и при всех этих стараниях не достигнуть главного, а именно понимания рассматриваемых положений [1, с. 67].

Гегель имеет в виду не только необходимость избавить «понимание рассматриваемых положений» или исторических мнений о предмете философии от произвольных толкований, но и рассмотреть их с точки зрения самого понятия философии: «Если существуют различные понятия о науке философии, то только истинное понятие делает для нас возможным понимание произведений тех философов, которые философствовали, исходя из последнего» [1, с. 67]. Вместе с тем Гегель отмечает, что «...история предмета необходимо связана теснейшим образом с представлением, которое составляют себе о нем» [1, с. 67]. Как уже отмечалось, сам он во введениях и предисловиях к своим произведениям предпосылает читателю предварительные рассуждения о понятии философии, направленные как раз на формирование представления о нем. С одной стороны, сами по себе данные высказывания не являются изложением науки и могут восприниматься как заверения. Однако из них читатель должен извлечь то, что представление может быть понято лишь как начало понимания, заставляющее ожидать и предвкушать изложение самого предмета:

...если мы желаем установить понятие философии, не произвольно, а научно, то такое исследование превращается в самое науку философии. Ибо своеобразная черта этой науки состоит в том, что в ней ее понятие лишь по-видимому составляет начало, а на самом деле лишь все рассмотрение этой науки есть доказательство и, можно даже сказать, само нахождение этого понятия; понятие есть по существу результат такого рассмотрения [1, с. 68].

Точка зрения, которая является, таким образом, *непосредственной*, должна в пределах философской науки превратить себя в *результат*, и именно в ее последний результат, в котором она снова достигает своего начала и возвращается в себя. Таким образом, философия оказывается возвращающимся к себе кругом, не имеющим начала в том смысле, в каком имеют начало другие науки, так как ее начало относится лишь к субъекту, который решается философствовать, а не к науке как к таковой [5, с. 102].

Из этого следует, что гегелевское понятие философии оказывается опытом развития его содержания, в котором одновременно развивается и форма его осознания. Иными словами, такое понятие не нуждается в предварительном выяснении условий его истинности, поскольку это как раз и влекло бы за собой построение методологических предпосылок, то есть представлений и произвольных размышлений о том, какой должна быть философия. Гегель утверждает, что такое понятие содержит в себе три момента: рассудочный, диалектический (отрицательно-разумный), спекулятивный (положительно-разумный). Эти моменты, поясняет он, не являются тремя частями науки, а «суть моменты всякого логически реального, т. е. всякого понятия или всего истинного вообще» [5, с. 201]. Но все они могут быть положены в первом моменте и «и благодаря этому могут быть удерживаемы в своей обособленности» [5, с. 201]. Таким образом, понятие, или логическое, содержит в себе и внешнюю сторону. С этой своей стороны оно может восприниматься как данность, т. е. исторически. Ценность рассудочного мышления заключается в том, что оно укладывает содержание в форму всеобщности, однако сама по себе эта форма абстрактна. Ей противопоставляют созерцание и ощущение, которое, как полагают, всегда имеет дело с непосредственным, конкретным содержанием. Поэтому, замечает Гегель, критикуя рассудок, критикуют мышление вообще, и смысл этой критики заключается в том, что

...мышление жестоко и односторонне и что оно в своей последовательности ведет к гибельным и разрушительным результатам. На такие упреки, поскольку они по своему содержанию справедливы, следует раньше всего ответить, что ими задевается не мышление вообще, точнее, не разумное, а лишь рассудочное мышление [5, с. 201].

Таким образом, Гегель дает нам понять, что и его система содержит в себе рассудочный момент — внешнее оформление содержания. И если она исследуется лишь с этой стороны, рассудочно, то совершенно оправданными оказываются различные ее интерпретации. Очевидно, что они могут существенно повлиять на историко-философский процесс, на формирование философских точек зрения, которые противопоставлялись бы таким представлениям о гегелевской системе или, напротив, отстаивали бы их. Вместе с тем, с одной стороны, дело ограничивалось бы субъективными домыслами философов о гегелевской философии, а с другой — ее внешней формой, которая сама по себе, рассматриваемая с этой стороны, действительно, дает повод для возникновения таких домыслов.

Даже если оценки философии Гегеля возвышаются до представления о том, что это диалектическая или спекулятивная философия, даже если исследователи комментируют свои высказывания представлением о развитии в ней противоречивых сторон предмета либо представлением об их снятии в синтезе и выражают их в схеме «тезис — антитезис — синтез», все же и эти аспекты системы могут быть восприняты рассудочно. Ведь в ней они получают в т. ч. и рассудочное выражение. На этом основании и возникают различные предубеждения относительно гегелевской философии, которые внешне препятствуют правильному ее усвоению.

В зарубежной литературе существует целый ряд исследований, посвященных выявлению и разоблачению подобных предубеждений, которые зарубежные исследователи называют мифами или легендами о философии Гегеля. Эти исследования были выпущены в едином сборнике под названием «Мифы и легенды о Гегеле» [11]. Так, например, в нем представлены исследования о мифе, связанном с идеями о конце истории, или о мифе, согласно которому Гегель является тоталитарным теоретиком и защитником Прусской монархии, а также ряд других. Во вводной статье к этому сборнику Ж. Стюарт замечает, что он может служить для решения педагогических задач, связанных с преподаванием курсов по философии Гегеля и поясняет эту мысль:

Разрыв между популярным восприятием гегелевской философии, возникающим, как правило, под влиянием разнообразных мифов и легенд, и точкой зрения профессионального философа, специализирующегося на ее исследовании, создает сложную ситуацию в учебной аудитории. Студенты приступают к изучению Гегеля... с заранее сформированными в них заблуждениями и предубеждениями [11, p. 2].

По мнению Стюарта, проблема, на которую указывают эти явления, возникает ввиду «чрезвычайно сложной природы самих текстов Гегеля», что отличает работу с ними от работы с текстами других авторов [11, p. 2].

Но было бы ошибочно сваливать все проблемы на один лишь язык Гегеля, поскольку рассудочность все же составляет лишь момент в развитии предмета его философии, что философ и пытается доказать. Сложность изложения материала, напротив, должна насторожить читателя, уже на этом основании он должен набраться терпения и понять, что не внешним изложением, не языком исчерпывается дело. Таким образом, внимательный читатель обращает внимание на ограниченность отдельно взятых его определений. Переходя от одного из них к другому, он усматривает в них взаимное опосредствование. Это движение в развитии своего предмета Гегель называет диалектикой:

Диалектика же есть... имманентный переход одного определения в другое, в котором обнаруживается, что эти определения рассудка односторонни и ограничены, т. е. содержат отрицание самих себя. Сущность всего конечного состоит в том, что оно само себя снимает [5, с. 205].

Следуя диалектическому движению определений, формируется и сознание читателя. Он пересматривает те свои впечатления, которые возникли при первом знакомстве с философией Гегеля. Но во взаимоотношении противоположностей читатель начинает замечать их единство. Это единство не просто утверждение очередного определения, а наполненное содержанием противоположных сторон выражение сути их взаимного соотношения или то, что Гегель называет спекулятивным: «Спекулятивное, или положительно-разумное, постигает единство определений в их противоположности, то утвердительное, которое содержится в их разрешении и переходе» [5, с. 209]. Гегель замечает: т. к. рассудочное оказывается моментом спекулятивного, то и спекулятивное можно превратить в рассудочное: «...для этого нужно только выбросить из нее диалектическое и разумное, и она превратится в то, что представляет собой

обычная логика, — в историю различных определений мысли» [5, с. 209]. Понимать же спекулятивное спекулятивным образом можно лишь тогда, когда единство противоположностей мыслится не как формальное единство, а как единство, удерживающее в себе их конкретное содержание. Но в таком случае и читатель, учитывая все это, не может не мыслить спекулятивно, что как раз и означает «разложить (auflosen) действительное и противопоставить его себе таким образом, чтобы различия были противоположны друг другу по их мыслительным определениям, а предмет постигался как единство обоих» [4, с. 220].

Так как в спекулятивной методологии момент рассудка снят, то, замечает Гегель, спекулятивное содержание «не может быть... выражено в одностороннем предложении» [5, с. 211]. Такое может составить лишь его рассудочное определение, в котором привычной линейной связью связаны субъект и предикат. Но движение содержания высказывания раскрывает то, что эта связь оказывается шаткой, предикат становится субъектом, а субъект предикатом. Возникает связь высказываний, в которых это движение получает свое изложение. Именно так развивается спекулятивная речь, в которой снимается фиксированное определение понятий, они получают свое прояснение, и это движение оказывается их внутренней историей. Если же сознание теряет эту связь или вовсе не следит за ней, а как раз случайно фиксирует какое-либо определение, то и возникают ошибочные интерпретации гегелевской философии. Поэтому ни одно определение спекулятивного, взятое само по себе, не может быть спекулятивным. Следовательно, понять спекулятивное содержание возможно находясь в самом опыте самораскрытия его содержания. Именно поэтому рассудочное сознание читателя, с которым он входит в опыт усвоения спекулятивного предмета, должно преобразоваться в спекулятивное, логическое как таковое, всеобщее. Последнее и есть необходимый итог становления исторических форм Науки философии и, одновременно, ее переход от бытия через сущность в сферу ее вечной истины — понятие.

Развивая данную мысль, Е. С. Линьков пишет о том, что

философия проделала долгое историческое развитие и прошла ряд ступеней предмета, прежде чем всеобщий предмет философии, снимая свои исторические формы, достиг высшего проявления необходимости и благодаря этому получил сознательное выражение в его необходимости. Эта ступень есть завершение исторической формы развития предмета философии, благодаря чему раскрывается необходимость его начала и дальнейших ступеней, которые становятся снятыми моментами всеобщей диалектики бытия и мышления.

Движение вперед, к результату исторического развития предмета философии, есть одновременно движение назад, к началу, но не к началу в его исторической непосредственности, а к необходимости начала, к тому всеобщему основанию, которое получает свое развитие в различных особенных формах философии. Этим основанием является всеобщая диалектика бытия и мышления, которая определяет необходимость как начала, так и всего последующего исторического развития философии. Всеобщая диалектика и есть внутренняя развивающаяся необходимость всех исторических ступеней предмета философии. Основание раскрывается через определяемое им обоснованное. Всеобщая диалектика развивается и раскрывается всеми ступенями истории предмета философии, приобретающими различные и даже противоположные формы, хотя все они полагаются

и отрицаются диалектикой. Но только ступень конкретной в себе самой всеобщей необходимости предмета получает форму всеобщей диалектики, тождественной этой истинной необходимости [6, с. 8–9].

Важно отметить, что Гегель предвосхищает условия возникновения произвольных толкований своей системы, заранее указывая на то, что для сознания, прошедшего опыт «обращения» рассудочного отношения к предмету в спекулятивное, такой проблемы уже не существует, поскольку для него не существует внешних условий перехода к науке. Их оно выявляет в самом себе, усваивая то, чем оно уже является. В связи с этим стоит обратить внимание на категорию *die verkehrte Welt* (нем. «перевернутый мир», «мир наизнанку», «превратный мир», «безумный мир») Гегеля, где отражен результат диалектики всеобщности и неизменности «сверхчувственного мира» (мира науки), в свою очередь возникшего посредством одностороннего, абстрактно-рассудочного отрицания текучего мира чувственного бытия. Но и этот мир является отрицанием другого. Определяя свое внутреннее содержание, он раскрывается как другой «сверхчувственный мир», т. е. как *die verkehrte Welt*, который снимает конечность первого, преодолевает его отношение к миру чувственного восприятия, т. е. к конечному как таковому. Следовательно уяснение сути гегелевской философии как особенной исторической формы вечной и всеобщей логической Науки философии должно стать «переворачиванием» исторического метода ее рассмотрения, или дискурсивной формы познания, в тот метод, который составляет принцип саморазвития ее содержания, или ее сущность. Поэтому понимающее сознание исследователя неизбежно преобразует себя таким образом, что присущая ей предметность оказывается его предметностью.

Уяснение специфики понимания гегелевской философии заставляет пересмотреть традиционную критику спекулятивной системы, а значит, и те принципы научности, которые в постгегелевской философии слепо противопоставлялись ей, минуя соответствующие ее форме принципы усвоения. В этом заключается главная причина того, почему современное вопрошание о научной форме философии, т. е. Науке философии, сталкивается с необходимостью вновь обратиться к Гегелю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии: в 3 кн. — СПб.: Наука, 2001. — Кн. 1 / ред. Н. А. Никитина; вступ. ст. К. А. Сергеев, Ю. В. Перов.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / ред. Н. А. Никитина; вступ. статья Е. С. Линькова. — СПб.: Наука, 2002.
3. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / ред. Н. А. Никитина; вступ. ст. К. А. Сергеева, Я. А. Слина. — СПб.: Наука, 2002.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия религии: в 2 т. — М.: Мысль, 1975. — Т. 1 / пер. с нем. М. И. Левиной; ред., вступ. ст. А. В. Гулыги.
5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. — М.: Мысль, 1974. — Т. 1: Наука логики / ред. Е. П. Ситковский.

6. Линьков Е. С. Становление логической философии // Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — СПб.: Наука, 1997. — С. 5–16.
7. Линьков Е. С. Лекции разных лет по философии. — СПб.: Умозрение, 2012. — Т. 1.
8. Линьков Е. С. Лекции разных лет по философии. — СПб.: Умозрение, 2017. — Т. 2.
9. Муравьев А. Н. Философия и опыт: Очерки истории философии и культуры. — СПб.: Наука, 2015.
10. Соловьёв В. С. Гегель. — URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_1897_gegel.shtml.
11. The Hegel Myths and Legends / yd. Jon Stewart. — North-Western University Press, 1996.